Чжан Шу стоял у окна, глядя сквозь дыру в стекле на то, как Чжан Хуай с нетерпением спешит прочь. Лицо его оставалось совершенно спокойным, и было невозможно догадаться, о чём он думает.

Чжан Хуай обыскал всё вокруг, но ни в разрушенной хижине на краю деревни, ни в стогах сена на гумне, ни в храме Земли на другом конце поселения он не нашёл Ван Чанфа и его компанию. Неужели они уехали в уезд играть? Если так, то, выходит, это не они избили Чжан Шу?

С сомнениями он вернулся домой, чувствуя внутренний дискомфорт.

К обеду дед с бабушкой вернулись с прополки. Увидев, что Чжан Ань привёл детей, они очень обрадовались.

— Цуйлань, не утруждайся, ты и так устала с дороги, иди отдохни.

— Мама, я не устала, это вам нужно отдохнуть! — Ван Цуйлань ловко продолжала работать, и не думала бросать.

Чжан Шу слушал их разговор о материнской любви и сыновней почтительности, и ему было не по себе. Его тётя умела вести себя с людьми, и в деревне она слыла женщиной добродетельной.

Изначально семья уже разделилась. Его отец был старшим сыном и должен был заботиться о родителях, поэтому дом достался им. Многие говорили, что дедушка с бабушкой проявили пристрастность.

Позже, когда его родители умерли, дядя с тёткой снова переехали в этот дом, заявив, что раз старшего брата нет, они, даже будучи отделёнными, возьмут на себя заботу о стариках. Соседи хвалили их за сыновнюю почтительность.

Даже дедушка с бабушкой, наслушавшись соседских разговоров, решили, что раньше обидели младшего сына и его семью. Теперь, когда те не держали зла и сами предложили заботиться о них, старики стали ко всему снисходительны. Но тётка не стала злоупотреблять этим, а наоборот, стала ещё более заботливой, особенно к осиротевшему племяннику. Вся семья жила в мире и согласии, вызывая зависть многих.

А на самом деле? Его отец раньше был торговцем и за годы накопил немало серебра. Поскольку считал, что при разделе семьи обидел младшего брата, он добровольно отказался от серебра, взял меньше земли и ещё тайком помогал им деньгами.

Всё это вместе вполне могло компенсировать им не доставшийся дом, но тётка, разговаривая с людьми, всегда намекала, что они получили только землю, при этом делала вид, что всё понимает, и говорила: «Кому же, как не старшему брату, заботиться о родителях? Ему и достанется больше». Люди, слышавшие это, считали её женщиной разумной. Ведь при разделе имущества часто случаются скандалы, братья становятся врагами и до конца жизни не общаются.

Раньше и сам Чжан Шу думал, что дядя похож на строгого отца, а тётка — на добрую мать, и что они одной крови.

В итоге всё оказалось ложью!

— Шу, иди кушать, бабушка яичницу тебе пожарила, — бабушка Чжан стояла у двери его

комнаты и ласково говорила.

Чжан Шу слез с кровати, но дверь не открыл. Он прижался к стене у двери и ответил бабушке:

— Бабушка, вы кушайте, я не голоден, хочу поспать.

Он не хотел, чтобы бабушка видела его в синяках.

— Не поешь — заболеешь, выходи скорее. Не ешь ты — и мы с дедом не можем есть, — бабушка очень волновалась, не заболел ли он?

Чжан Шу не нашёлся, что ответить. Он открыл дверь и вышел.

— Ой!

— Что с тобой стряслось? Чей это щенок так тебя отделал? — Бабушка испугалась, увидев, что у него перевязаны голова и руки.

У бабушки на глазах выступили слёзы, она смотрела на него и тянулась рукой, но боялась прикоснуться.

— Ничего, бабушка, я сам неудачно упал, Сяо Муцзинь уже перевязала мне, — Чжан Шу весело улыбнулся и взял бабушку за руку, приложив к ране.

— Правда? — Бабушка немного сомневалась, но глядя на внука, видимо, не было похоже, что его обижали. Она повела его в главную комнату:

— Тогда сегодня все яйца тебе достанутся, нужно хорошо подкрепиться!

— И дед с бабушкой тоже ешьте!

— Хорошо, хорошо, дед с бабушкой тоже поедят!

…

Поскольку бабушка сгребла ему в миску почти половину яиц, на следующий день, когда Чжан Шу вышел из дома, он услышал, как соседи перешёптываются.

— Парень уже большой, а ни капли уважения к младшим братьям и сёстрам не имеет. Второй сын и третья дочь Цуйлань намного его младше.

Одна женщина выглядела так, будто ей было не по душе.

— Ох, тётка Чжан всегда слишком баловала. Я бы на её месте не возвращалась, пусть бы они меня упрашивали! — другая женщина кривила губы, выглядела очень недовольной.

— Да кто же виноват, что его родители рано ушли, вот вся семья его и балует. Да и сама Цуйлань говорит, пусть ест побольше, её-то дети при отце с матерью, зачем им так хорошо есть?

— Цуйлань — душка-человек. Где это видано, чтобы дядя племянника растил? Ему уже семнадцать-восемнадцать лет, а он целыми днями сидит дома, ничего не делает. На днях мой Эргоу его до слёз довёл, смешно, правда? — это была мать Эргоу, видно, она считала, что её сын смог задавить такого взрослого мужика — это достижение.

Группа женщин засмеялась, как куры, несущиеся. Сплетничать о чужих за чаем было для них возбуждающим средством от усталости.

Одна женщина случайно взглянула в сторону и с удивлением обнаружила, что Чжан Шу стоит недалеко от них и смотрит сюда. С такого расстояния он вполне мог их слышать.

Она локтем толкнула стоявшую рядом мать Эргоу и губами указала в ту сторону.

Мать Эргоу, вдруг увидев Чжан Шу, немного смутилась, но тут же взяла себя в руки и нарочно громко крикнула в сторону Чжан Шу:

— Некоторые люди совсем совести не имеют, здоровый мужик подслушивает, что бабы говорят.

Явно они сами собрались обсуждать других за спиной, но когда столкнулись с Чжан Шу, смогли с чистой совестью обвинить его, не чувствуя ни капли стыда.

Чжан Шу пристально смотрел на них:

— Слышал, кто слишком много сплетничает, тот после смерти попадёт в ад, в ад вырывания языков.

— Вы знаете, как их вырывают? Сначала острым железным крюком лазят тебе в горло, а потом язык вытягивают дюйм за дюймом. Потом берут ножницы и отрезают по кусочку.

Его голос был низким и хриплым, на лице застыла странная улыбка, глаза были прикованы к этим женщинам.

В прошлой жизни его невестка говорила точно так же. После тяжёлой болезни она словно стала другим человеком, перестала уважать предков и бояться духов, а уж о репутации и говорить нечего.

Когда она это говорила, люди реагировали так же, как эти женщины сейчас: лица бледнели, тела тряслись, словно в лихорадке, будто Чжан Шу был каким-то демоном. Но ведь именно они были демонами!

Выносить семейные тайны на улицу, строить своё счастье на чужой боли. Они ничего не знали, судили понаслышке, порочили чужие имена. Не зря говорят, что людские слова страшны!

Женщины с визгом разбежались, а Чжан Шу с каменным лицом ушёл. Отныне за каждую обиду будет отплата! В прошлой жизни он прожил слишком жалко, если и в этой будет так продолжаться, то зря небеса дали ему второй шанс.

Подойдя к выезду из деревни, он увидел, что Лайван и ещё несколько человек, собравшихся на подённую работу, уже пришли. Они сидели на каменном мосту у въезда, лениво курили трубки и рассказывали шутки, понятные только мужчинам.

Лайван бросил взгляд на Чжан Шу и немного нахмурился. У того голова и руки были перевязаны, как он будет работать с такими травмами? Какой хозяин возьмёт раненого подёнщика? Не то что дело сделает плохо, ещё и боятся будут, что он будет вымогать деньги.

Чжан Шу был погружен в свои мысли и не заметил его взгляда, пока не понял, что все смотрят на него. Он снял повязку с головы и с рук, положил их в свою корзину и улыбаясь сказал им:

— Пустяки, уже зажило. Это бабушка переживает, заставила носить.

На самом деле он и сам удивлялся, с тех пор как его побили, он отметил, что в этой жизни раны заживают очень быстро. Синяки ещё не прошли, но голова, которую разбил Ван Чанфа, и рука, которую оцарапали камни, за ночь почти прошли.

Он потрогал — уже образовались струпья, которые вот-вот должны были отпасть. Он был очень рад, думал, что это небеса пожалели его за тяжёлую прошлую жизнь и теперь дают ему компенсацию.

Он знал, что об этом нельзя говорить другим, а то могут принять за живое лекарство и сдать наверх.

http://bllate.org/book/16721/1537249